

Литература и искусство

Орган правления Союза советских писателей СССР, Комитета по делам искусств при СНК СССР и Комитета по делам кинематографии при СНК СССР.

№ 20 | 16 МАЯ | ВЫХОДИТ ЕЖЕНЕДЕЛЬНО | 1942 ГОД | Цена 45 коп.

ДРАМАТУРГИЯ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Театр всегда возбуждал в себе огромный интерес широких слоев советского народа. Но, может быть, никогда эта любовь, эта тяга к театру не были так ослеплены, как сейчас, в дни великой отечественной войны. Известно, с какой колоссальной быстротой облетает блиндажи и окопы, бараки и полковые клубы всегда радостная, всегда горячо и искренне встречаемая весть: «Артисты приехали!» Известно, что в театры зрительские залы театров сжигаются переполнены, и артисты давно стали привычным и обязательным явлением в большинстве театров.

Особый интерес неизменно возбуждает современная пьеса, в той или иной степени отталкивающаяся на события отечественной войны. В ней зритель ищет отклика на те мысли и чувства, которые нераздельно владеют им в наши исторические дни. Этот живой интерес к театру, к театру зрительской аудитории, необычайная сила эмоционального воздействия оценочного искусства возлагают огромную ответственность на советскую драматургию, требуют от нее оперативности и высокого качества.

Сейчас мы находимся на новом этапе войны. Страна наша, народ и его доблестная Красная Армия накопили великий, почти ошеломительный боевой и жизненный опыт, с величайшей мудростью и точностью подготавливая в первом этапе войны к освобождению советской земли от гитлеровских мерзавцев.

Стать мастерами своего оружия обязаны не только бойцы Красной Армии, но и все советские патриоты, направляющие все усилия свои, свои знания, труд, мысль и волю к единой цели — «добиться того, чтобы 1942 год стал годом окончательного разгрома немецко-фашистских войск и освобождения советской земли от гитлеровских мерзавцев».

За время войны и советский театр и советские драматурги накопили большой творческий и жизненный опыт. Обобщению этого опыта, выношению и уточнению новых творческих задач было посвящено последнее заседание Комитета по делам искусств.

Советские драматурги — горячие участники разворачивающихся событий. Они работают интенсивно, и в созданных ими пьесах живет ощущение эпохи, выражены патристические чувства. Советская драматургия за время отечественной войны несомненно творчески возмужала.

Но в свете общего опыта войны все еще проступают и некоторые характерные недостатки творчества драматургов.

Величественные и грозные события отечественной войны не допускают того слякотного тона, каким о них пытаются говорить некоторые драматурги в первые месяцы войны. Герои советского народа необычайно просты, скромны. Им чужды всякая вышнрность и декламация. Но драматург не должен заставлять своего

героя говорить со сцены серо, тускло, прозаично. Задача подлинного художника в том и состоит, чтобы высшей героизм и будничную простоту советского человека передать яркими, правдивыми красками. Между тем язык персонажей пьес часто не индивидуализирован, однообразен, скучен, а подчас и литературно небрежен.

Самая важная задача нашей драматургии — создание индивидуальных характеров, раскрытие богатого внутреннего мира, яркий показ тех замечательных качеств, которые составляют силу и красоту советского человека — героя отечественной войны, патриота, любящего свою родину и остро ненавидящего врага. Драматургия обязана возвысить тех, кто ускоряет нашу победу над темными силами фашизма. «Задача серьезного писателя, — говорил Горький, — построить пьесу на фигурах художественно убедительных, добиться той «правды искусства», которая глубоко волнует и способна переосмыслить зрителя».

Наши пьесы еще страдают однообразием героев. Подчас герой утрачивает свою индивидуальность в результате того, что автор пьесы увлечен только необычайностью событий. Эта погоня за эффектной сюжетностью вредна для драматургии.

Также мешает за себя и попытка механически приспособить к новой широкой народной теме отечественной войны старую, веками освоенную «семейную» схему бытовой драмы. Исключительность обстоятельств в подобных пьесах и узко семейные рамки, которыми авторы ограничивают размах и звучание событий, не позволяют показать глубину и значимость жизни. «Творчество большинства драматургов наших, — писал в свое время с упрёком Горький, — сводится к механическому, часто непродуманному и произвольному сочетанию фактов в рамках «заранее обдуманного намерения». Этот упрёк, по совести, должны отнести к себе и драматурги наших дней.

За последнее время у нас появилось множество пьес о партизанах, но почти отсутствуют пьесы о бойцах и командирах освободительной Красной Армии и совсем нет пьес о героическом тылу, о самоотверженном труде рабочих, колхозников и интеллигенции. Ощущать атмосферу войны во всем ее многообразии, во всей сложности, во всей трагической величавости ее мельчайших повседневных деталей необходимо, и без этого не может быть правдивого и яркого воплощения ее в образах искусства.

Задачи, стоящие на новом этапе отечественной войны перед советским театром, а значит, прежде всего, перед советской драматургией, — огромны и многообразны. Они чрезвычайно ответственны, но и по-настоящему увлекательны для подлинного художника, чувствующего величие и неповторимость эпохи, которую он призван запечатлеть.

ПРАЗДНИК УКРАИНСКОЙ СОВЕТСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Торжественно отметили научная музыкальная и литературная общественность Уфы столетие со дня рождения выдающегося украинского композитора Н. А. Лысенко.

Большой вечер памяти Лысенко состоялся 9 мая в помещении Башкирского государственного оперного театра.

На сцене, вокруг портрета композитора — букеты живых цветов, символ неувядаемости зарождающейся украинской культуры. В преддверии торжественного заседания — выдающиеся деятели украинской советской культуры: президент Академии наук УССР А. Богомолец, вице-президент Палладин и Чернышев, украинские советские композиторы Верковский и Коцицкий, украинские писатели Гичина, Рыльский, Яновский, Кочера, театральные деятели Смолин, Манай, рядом с ними представители братской Башкирской республики — председатель СНК БАССР Ваганов, художественный руководитель Башкирского оперного театра П. Славянский и другие.

Вечер открыл вступительным словом председатель бюро комитета президент Академии наук Украины А. Богомолец.

После содержательного доклада проф. Гринченко о жизни и деятельности Лысенко, с воспоминаниями о великом украинском композиторе выступил Максим Рыльский, прочитавший в заключение текст клятвы памяти Лысенко. Тепло были встречены поэты-фронтовики Любимир Дмитриев и Кость Герасименко. Они прочли мужественные и лирические стихи о великой мобилизующей силе украинской песни, звучащей в бой, на подвиги во имя народа, во имя родины.

С большим подъемом участники заседания приняли текст приветственных телеграмм товарищу Сталину и Н. С. Хрущеву.

После торжественного заседания состоялось большой концерт, в котором приняли участие солисты Киевского академического театра оперы и балета имени Шевченко и объединенный хор и оркестр Киевского и Башкирского государственных оперных театров.

Впервые была исполнена на концерте незаключенная симфония Лысенко, написанная им в 1869 году.

УФА (Наш корр.).

БРАТСКАЯ СОЛИДАРНОСТЬ

(ПИСЬМА ИЗ АВСТРАЛИИ)

Ассоциация австралийских писателей прислала Союзу советских писателей СССР ряд выходящих против фашизма в защиту свобод народов. Три из них написаны в стихах. Это — «Армия трудящихся» Вильяма Докрилла, «Советская земля» (без подписи), «Чувствие фашизма» Барнета Алдсона (член исполнительного комитета Ассоциации). Высканывания других писателей охватывают так: «Австралия пробудилась» (автор — почетный секретарь Ассоциации Л. П. Аптон), «За свободу против варварства» (Франк Райленд), «Фашизм — это война» (Розалинд Мулли), «Значение мира и демократии» (Далси Диммер), «Советы поют» (Виван Норман), Юрстия Джозил Смит пишет о том, что значит быть антифашистом, Хилтон Бартон — о солидарности писателей Австралии в борьбе против фашизма: «Писатели и народ Австралии

перед лицом фашистской угрозы поднялись, чтобы действовать. Они откликнулись на воодушевляющие пламенные слова австралийского народного прозаика и поэта Генри Лоусона: «Клянемся тиранов земли уничтожить. Словом, пером и мечом!» Сердечную солидарность с советскими писателями и народами Советского Союза и уверенность в окончательной победе над фашизмом Хилтон Бартон выражает следующими словами: «Твердо следуя традициям Горького и Лоусона, австралийские писатели присоединяют свои голоса к голосам советских писателей, выражая непререкаемую уверенность масс австралийского и советского народа в том, что свет свободы и демократии не будет погашен... сокровища свободы, просвещения и социального прогресса будут сохранены!»

Портрет Зины Космодемьянской.

Худ. Л. ГОЛОВАНОВ.

Евг. ДОЛМАТОВСКИЙ

ПАРТИЗАНСКИЕ ПЕСНИ

ПАРТИЗАН НЕУЛОВИМЫЙ

Едет по земле родимой,
Занятый врагами,
Партизан Неуловимый
С верными друзьями.
Он оставил сад и хату,
Сел на полукровку,
Привязал к седлу гранату,
В руни взял винтовку.
Где советские колхозы
Сяли и жали,
Вражи деваются обомы,
Танки зарычали.
Где веселые девчата
Песни распевали,
Вражьи выстрелы раскаты
Смертью прозвучали.
Налетайте, партизаны,
Бейте, не жалея,
Чтоб фашистский дух поганый
По ветру развеял.
На шоссе горят машины,
Танки запылали,
Это дети Украины
На врага напали.
Налетели и исчезли
За огнем и дымом,
И осталась только песня
О Неуловимом.

САМОЛЕТ ЛЕТИТ С ВОСТОКА

Самолет летит высоко,
Самолет летит с востока
По тревожному пути.
Здравствуй, сокол быстрокрылый,
Опустишь, товарищ милый,
Над родными топами
Низко-низко пролети.
Самолет спустился низко,
Внизу звезды близко-близко,
Девочка бежит из хат.
Не пройдет еще минуты,
Замелькают парашюты,
За деревню на поляну
К нам гостицы попятят.
Это нам привел от брата,
Не забыли нас, ребята,
Скоро армия придет.
Дети волевой Украины
Со своей Москвой едины,
В их глазах сияет небо,
Где советский самолет.
Над равниной печальной,
Пролетал разведчик дальний,
Стало сердцу веселей:
Мчит он вестником свободы,
Видит нашей мести восток,
Видит он друзей и братьев
У высоких тополой.
Передай, что мы воюем.
Не сдаемся, не горюем,
Бьем непрошенных гостей,
Поджигаем вражьи танки,
Партизаны, партизаны,
Боевой верны присяге
Дети родины своей.

УХОДЯТ В ЛЕСА ПАРТИЗАНЫ

По селенью, что снова свободно,
Ходит песня советских бойцов,
И навстречу колонне походной
Партизаны идут из лесов.
Через плечи повесив берданы,
Снявши иней с колочих бород,
Обнимают своих партизаны,
И сбегается сельский народ.
Только хмурятся брови старшего,
Смотрит он на вату ребят,
Всех встречают, он молвит сурово,
Почему же не вышел мой брат?

„...НЕЛЬЗЯ ПОБЕДИТЬ ВРАГА, НЕ НАУЧИВШИСЬ НЕНАВИДЕТЬ ЕГО ВСЕМИ СИЛАМИ ДУШИ“.

(Из приказа Народного Комиссара Обороны И. Сталина 1 мая 1942 г.)

НА СОВЕЩАНИИ ДРАМАТУРГОВ

На днях в Комитете по делам искусств было проведено совещание по вопросам дальнейшего развития советской драматургии и театра. С докладом о драматургии периода отечественной войны выступил председатель Комитета по делам искусств М. Б. Храпченко.

— Отечественная война, — сказал тов. Храпченко, — поставила перед советскими драматургами ответственнейшие задачи. Средствами искусства, силой художественных образов они должны были осуществлять идейную мобилизацию народа на разгром врага, раскрыть содержание отечественной войны, возвысить героические подвиги защитников родины.

Советские драматурги в дни отечественной войны работали интенсивно. Новые пьесы написали наши драматурги: Попович, Леонов, Корнейчук, Казаков, Флинн, Вирта, Симонов, Каверин, Бруштейн и другие. Творческая активность драматургов возросла. В драматургию пришли и новые литераторы — Ржевский и Кац создали пьесу «Олего Дундич», Володянов и Липавец — «Полк ДД» и др.

Тов. Храпченко отмечает качественный рост советской драматургии. На сцене советских театров пьесы советских драматургов занимают преобладающее место. Четыре Сталинских премии за выдающиеся произведения в области театрального искусства присуждены в этом году за спектакли, поставленные по пьесам советских драматургов, и за роли, сыгранные в этих спектаклях. Заметно выросли за последнее время и отдельные драматурги. Творческой удачей К. Симонова является пьеса «Русские люди».

Положительные оценки заслуживают и работы драматургов, посвященные исторической тематике: «Фархад и Ширин» Самела Вургуна, «Надежда Дурова» Липперова и Кочетова.

Однако, отмечая эти положительные моменты, тов. Храпченко подчеркивает, что советская драматургия далеко еще не удовлетворяет требований, предъявляемых к ней народом.

Написанным до сих пор пьесам об отечественной войне свойственны существенные недостатки. В современной драматургии преобладают пьесы о партизанском движении. Нередко они пишутся людьми, которые не знают партизанской жизни, но по ложному убеждению считают, что материал партизанского движения якобы не требует знания жизни и допускает вольные измышления. Конечно, первоочередная задача советских драматургов — дать пьесы о Красной Армии, об ее рядовых бойцах и командирах, о наших полководцах. Но нам нужны и пьесы о тыле, о героической работе фабрик и заводов, о колхозной деревне — обо всем, чем живет страна. Драматургу следует писать о том, что он хорошо знает.

Главнейшую роль во многих новых пьесах занимает изображение отдельных эпизодов жизни. Драматурги еще не сумели создать живые, яркие образы и характеры. Мир чувств, мыслей и великих дел героев отечественной войны как бы прижат во многих пьесах. Это часто происходит потому, что новое содержание, которое принесла с собой война, драматурги пытаются уложить в старые драматургические каноны, прибегают к схеме семейно-бытовой драмы, которая не дает

возможности раскрыть огромное всенародное содержание событий эпохи отечественной войны.

Наблюдается и другая ошибочная тенденция — героические события отечественной войны некоторые драматурги пытаются раскрыть в форме авантюристско-приключенческой драмы.

Тов. Храпченко приводит и ряд примеров отсутствия у авторов необходимо художественного такта при выборе жанра. Между тем небрежное смешение жанров снижает художественную ценность произведения.

В заключение г. Храпченко остановился на задачах советской драматургии в связи с подготовкой к 25-летию Октябрьской революции и организационных вопросах взаимоотношений драматургов и театров.

Доклад зам. председателя Комитета по делам искусств А. В. Солодовникова был посвящен подготовке театров к 25-летию Великой Октябрьской революции.

Тов. Солодовников отметил, что в условиях войны советские театры сохранили свои кадры и добились новых творческих успехов. Благодаря работам партии и правительства, театры своевременно выехали из прифронтовых районов и из городов, временно занятых немецко-фашистскими оккупантами, и успешно работают на новых местах. Работают основные театры Украины и Белоруссии, приняты меры к восстановлению латвийских и эстонских театров и ансамблей, на очереди восстановления художественных коллективов Молдавии и Карело-Финской ССР.

Более серьезным и идейно насыщенным стал репертуар театров.

Приближающаяся дата 25-летия Октября обязывает советский театр еще более усилить идейное звучание своих спектаклей, поставить пьесы, отображающие великие события отечественной войны.

Самое серьезное внимание надо обратить на художественное качество спектаклей, повышение культуры спектакля, мастерства режиссеров и актеров. Трудности военного времени, отсутствие систематического обмена творческим опытом, невозможность для многих периферийных режиссеров ознакомиться с образцами постановками лучших театров, недостаток постановочных материалов приводят в ряде театров к снижению творческого уровня спектаклей. Высокая ответственность подчас успокаивает руководителей вместо того, чтобы повышать их ответственность перед зрителями. Нет необходимого внимания к местным управленцам и отделам искусства и в частности талантливым молодым режиссерам и актерам.

— Надо помнить, — говорит тов. Солдовников, — что в театре высокие идеи звучат тогда, когда они облечены в яркую, выразительную сценическую форму.

На совещании выступили драматурги-Каверин, Флинн, Гусев, Шток, Луковский, Казаков, Ленч, режиссеры — Судакос, Попов, Бранчев, Радлов, Норд, Вильнер, Пличек, Критяк — Гурвич, Гус, работники Комитета по делам искусств — Фалковский, Мирингоф, представитель Главного политического управления РККА Рогинский и другие. Отчет о выступлениях будет дан в следующем номере.

Янис НИЕДРЕ

ВЕЛИКИЕ ТРАДИЦИИ БОРЬБЫ

Выраженная в народном творчестве неувядающая латышская традиция борьбы с немецким захватчиком сохраняется в произведениях латышских писателей, написанных в XIX и XX веках. Многие из них, как например, Динбергис, Кронвалдис, Пулупур, Аусеклис, великий Райнис, подвергались гонениям, жертвовали своей жизнью, как Я. Диевоцис, но никогда они не переставали называть немецких палачей их настоящими именами.

Во второй половине XIX века латышский национальный поэт Пумпур в своем эпосе «Лалписис» так пишет о немцах: «... их первоначальная цель — завоевать страну, затем обратиться в рабство все народы, живущие на этой земле, и после этого все прибалтийские земли разделить между собой... Пумпур твердо верит, что близок час, когда народный герой Лалписис победит и опрокинет в зияющую бездну Черного Рыцаря, в образ которого выведен ненавистный немецкий поработитель».

Неувядающим гневом против немецких захватчиков проникнуты книги Аусеклиса, жалкой мести полны произведения народного трибуна Кронвалдиса, жгучая ненависть струится в стихах Вейденбаума.

В поэзии великого Райниса отражена историческая борьба латышского народа против вековых угнетателей. Таковы его пьесы «Огонь и ночь», «Индлуго и Арня», «Крауклитис», «Итраво-пьянц», таковы его стихи, в свое время запрещенные царской и буржуазной цензурой. Пламенная поэзия Райниса сегодня звучит так словно написана только что. О немецких угнетателях писал и латышский классик: Блауманис. Персенец, Судрабу Юлтус, Уграс немецкой оккупации описаны Анной Бриггедер в повестях «Железный кулак» и «В шалашном кругу».

В прозе ненависть к врагу ярче всего отражена в произведениях Андрия Улитса. Романы его витали в себя все горе, весь гнев, всю боль народов. Показу взаимоотношений между латышскими и немцами посвящена серия романов Андрия Улитса под общим названием «Роб-

бежники». Немецкая оккупация 1916 — 18 годов во всей неприглядности изображена автором в романе «Под кованым кулаком»; времена крепостничества в XVII веке — в историческом романе «Первая ночь» и в «Крувогорской эпохе». Андрия Улитс обладает подлинное лицо неувядающего врага Латвии, как бы говоря «Глядите, каков он, этот вампир «оумкурис» и «культурный» оккупант!».

Среди более молодого поколения писателей необходимо отметить поэта Яниса Судрабукаса: «Никогда и нигде не верите немцам!» — восклицает он, предостерегая латышский народ от лживых уговоров и обещаний гитлеровцев. «На предстоящем суровом суде ненависть, которую мы впитали вместе с молоком матерей, не позволит нам помиловать ни одного врага...».

Сильные рассказы из жизни батраков, работающих на баронов, написал Индрякас Леманис.

В романе «Черный барон» Карлис Фимберс так ярко изображает фигуру немецкого оккупанта, что в свое время белые немецкие бароны скупили весь вышедший тираж романа и сожгли его. Янис Пладис описал период власти оккупантов в 1918 году в Курземе. Ална Саксе — жестокому расправу немецких баронов о латышских крестьянами, участниками восстания 1905 г.

Славные традиции борьбы с немецкими захватчиками сейчас, в дни великой отечественной войны, сильнее, чем когда бы то ни было, воодушевляют латышских писателей и поэтов в их творческом труде. В рассказах и очерках о современных днях мы видим все ужасы, творимые фашистами. И независимо от того, пишет ли латышский писатель на фронте, выходя в ряды доблестной Красной Армии, либо он занят творческим трудом в тылу — с одинаковой силой зовет он народ на смертный бой с немецкими оккупантами. В этом отношении особенно яркие и сильные вещи созданы: А. Улитс, В. Лидис, Аустрава, Судрабукас, Ванас, Грингулис, Лукус, Шкеллино.

Рудами варваров разрушены и повреждены выдающиеся произведения русского зодчества: собор и надвратная церковь Нового Иерусалима в Истре, башня Волоколамского монастыря, тверские дворцы, построенные Матвеем Казаковым, памятники церковного зодчества в Старине, Можайске, Тихвине, Гостинный двор в Ироде, усдебные здания XVIII века в Ярославле, изуродованные памятники находятся также исторические шедевры, как Черниговский Спас, кремль и храмы Великого Новгорода, фонтаны Петергофа.

Этим далеко не исчерпывается список актов вандализма гитлеровцев. Две ноты В. М. Молотова с потрясающей силой документировали антикультурную и античеловеческую миссию «цивилизованных» варваров XX столетия.

О том, как ими выполнялась эта миссия с первых дней войны, рассказывают руины Лувра, Суассона и Аяна, поврежденные соборы в Бове и Гаме, Гильдхолл и Вестминстер в Лондоне и руины множества других знаменитых сооружений. Но особенно разудалась варвары в нашей стране, ибо удар по ценностям русского народного духа составляет важную часть стратегии и тактики идеологов современного мракобесия.

Россия создала великую архитектуру. Подобно русской литературе и музыке, национальное зодчество имеет мировое значение. Национальное своеобразие этого зодчества не замыкает его в кругу местных, локальных мотивов и стилей, а образует некое общее ядро в цепи мирового развития архитектуры от средних веков до новейшего времени. Нельзя исключить это ядро, не показав всей картины художественной культуры человечества.

Исторические судьбы русского искусства сложились таким образом, что в пору его первоначального становления свободно и органично вошла в русское искусство великая античная традиция. Притом вошла не через какие-либо боковые двери и переходы, а широкой дорогой непосредственной исторической преемственности, по праву прямого культурного наследования.

Путь от древней Греции и Рима через Византию и южнорусские земли и Киев привел к развитию античной художественной традиции на осевом новом, свежем почве, в юном, полном сил и жизни народе. Средневековое русское искусство восприняло античную традицию от первоисточника, притом восприняло ее без готического искажения этой традиции, как это имело место почти во всех странах Западной Европы. Античная традиция столкнулась в древней Руси с ярким и полнокровным народным творчеством, пропиталась им. Русская христианская культура начальной (да и более поздней) поры сохраняла во всей свежести и свободе народную стихию творчества, народные мифы, народный вольный сказ, народную художественную фантазию.

Античная традиция проявилась в русском зодчестве не во внешних, второстепенных чертах, а в самой основе стиля, в эстетических идеях и методах построения архитектурного образа. Уже в ранних храмах Новгорода, Пскова и Владимира разрабатывается система гармонических пропорций — это величайшее достижение античной архитектурной мысли. Более поздний шедевр русского национального зодчества — эпохи расцвета Московского государства — церковь Вознесения в Коломенском представляет собой совершеннейший архитектурный организм. Как в лучших образцах античных храмов классической поры, архитектурная композиция коломенской церкви проникнута началами высшей художественной логики и основана на продуманном до конца подчинении каждой архитектурной формы образу целого. А это целое, в свою очередь, внутренне связано с образами окружающей природы — шатер коломенского храма выстлается над окрестными долинами, как мощный символ этического утверждения человека и его творчества, как монументальный образ самоутверждения народа.

Мы встречаем иногда определение русского зодчества как искусства, в котором преобладает живописно-декоративная трактовка форм. Некоторые немецкие историки хотели подменить объективную характеристику русского национального вкуса и стиля в архитектуре холящими понятиями живописности и декоративности. Русская архитектура всех эпох, конечно, живописна — в ней ярко сказались любовь народа к красочности и узорчатой декоративной форме. Но эта живописность архитектурного облика не имеет ничего общего с произвольной, стихийной «красочностью», обычно означающей известную неадекватность архитектурных представлений и средств.

В живописной, асимметричной трактовке отдельных перспектив и масс в построении русских кремлей и монастырей господствует ясная композиционная идея ансамбля, объединяющего в единое целое конгломерат строений. Новодевичий монастырь в Москве и Иосифо-Волоцкий монастырь близ Волоколамска раскрываются величественной панорамой мощных башен, стройных колоколен, массивных стен, сияющих глав; один — узорчатый и радостный, другой — суровый и неприступный в своей монументальной красоте. И здесь и там на первый план выступает именно идея целого — высокая организованность архитектурного ансамбля. И в соборе Василия Блаженного — архитектурном чуде XVI столетия — свободная динамичная композиция основана на строгом архитектурном «чтении». Девять шатров-башен, выходящая в обычную летнюю лагерную поездку на южную границу, с первого дня войны была оставлена в частях Действующей армии. В течение полтора месяцев актеры побывали во многих городах и селах прифронтовой полосы от Омска до Харькова. Бригада попадала не раз под обстрел. И чем опасней была обстановка, чем неожиданней было появление актеров, тем сильнее воздействовало искусство на бойцов, тем радостней встречали они актеров.

С Юго-Западного фронта бригада, захватив на несколько дней за новым репертуаром в Москву, отправилась на Западный фронт.

Следующий период работы бригады — Брянский фронт. Время октябрьских боев. Бригада выступала в Ельце, Ефремове, Касторной, под Курском.

В конце ноября бригада ЦТКА приехала в родную столицу. Город прован оцептен. У подступов к Москве стояли ненавистные враги. Актеры по 5-6 раз в день выступали в армии генерал-лейтенанта Кузнецова; ставшей несокрушимой громадой у стен великого города.

Из Москвы, по заданию Политуправления РККА, бригада отправилась на далекий Карельский фронт. За четыре месяца она дала тут 318 концертов. В ползучую ночь, при свете северного сияния, на сажах по дремучим лесам пробиралась бригада из одного подразделения в другое. В землянках, где порой нельзя вытиснуться во весь рост, давались концерты, и бойцы прожогали актеров, как самых дорогих гостей.

Прошедшим фронт, нам день зачтется за год. В пыли дорог сочтется каждый след. И корешей на наши раны лягут. Воспоминанья вношесских лет.

Рвы блиндажей трава заляет на склонах Крутых холмов, нахлынув, как волна. В тех блиндажах из юношей выюбленных Мужичинами нас сделала война.

И синего вина, вина печали, Она нам полной мерой поднесла, Когда мы в первых схватках постигали Козмы боевого ремесла.

Но и тогда друг другу в промежутках Меж двух боев рассказывали мы

О снах любви, и радостных и жутких, Прозрачных, словно первый день зимы.

Перед костром, омокнувшись тесным кругом, Мы вновь клялись у роковой черты, Что, возвратясь домой к своим подругам, Мы будем в снах и в помыслах чисты.

А на снегу, как грядья горьких ягод, Краснела кровь. И снег не спорил о ней!

За это все нам день зачтется за год, Пережитое выступит ясней.

Актеры передовой бригады

С передовой линии огня бойцы и командиры были вызваны в штаб, туда же командование пригласило и актеров Центрального театра Красной Армии. В этот день вручались награды.

— Бойцам нашего любимого Центрального театра Красной Армии, — сказал член Военного совета Карельского фронта, вручая ордена и медали группе актеров ЦТКА.

Бригада Центрального театра Красной Армии, выезжавшая в обычную летнюю лагерную поездку на южную границу, с первого дня войны была оставлена в частях Действующей армии. В течение полтора месяцев актеры побывали во многих городах и селах прифронтовой полосы от Омска до Харькова. Бригада попадала не раз под обстрел. И чем опасней была обстановка, чем неожиданней было появление актеров, тем сильнее воздействовало искусство на бойцов, тем радостней встречали они актеров.

С Юго-Западного фронта бригада, захватив на несколько дней за новым репертуаром в Москву, отправилась на Западный фронт.

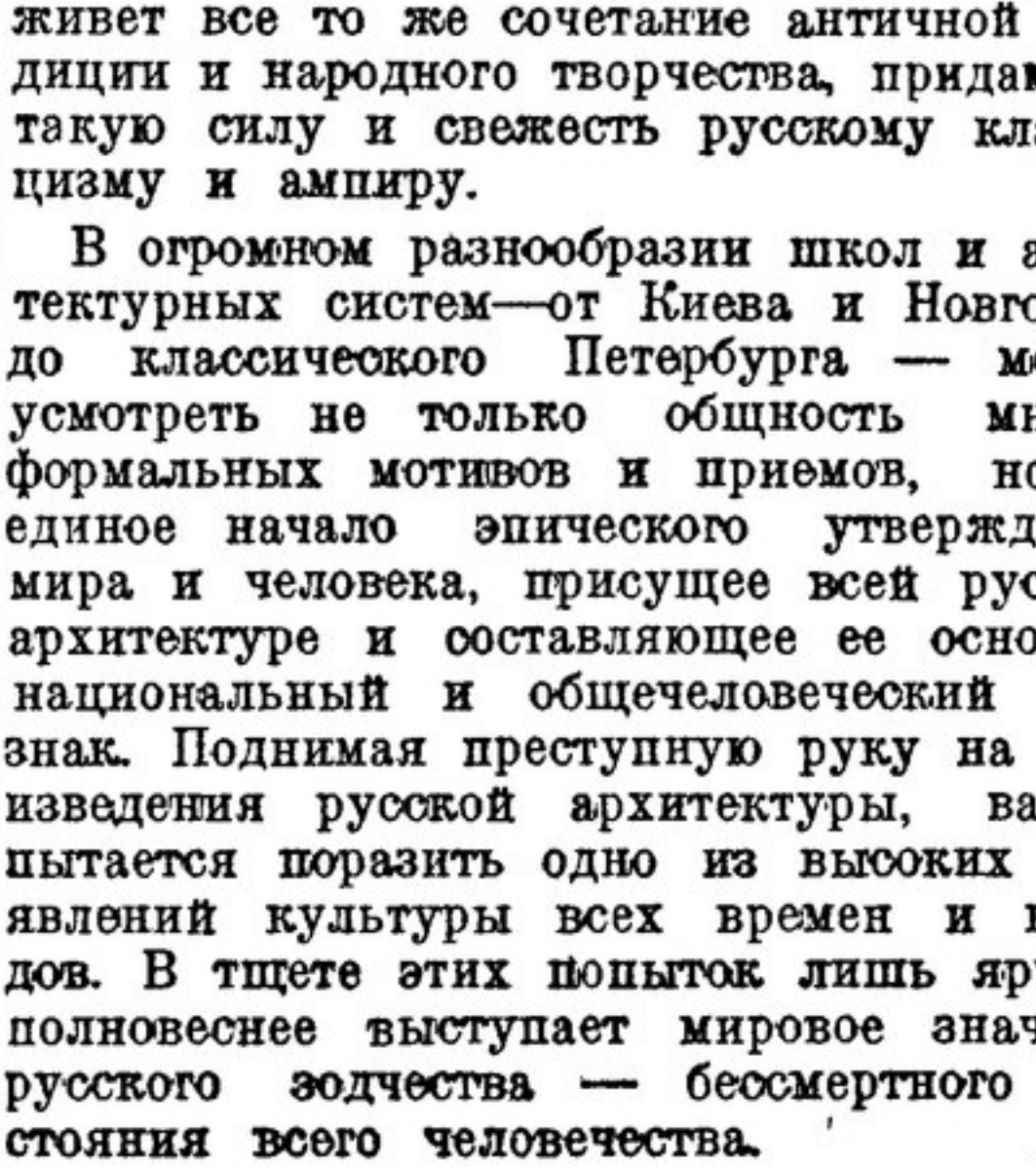
Следующий период работы бригады — Брянский фронт. Время октябрьских боев. Бригада выступала в Ельце, Ефремове, Касторной, под Курском.

В конце ноября бригада ЦТКА приехала в родную столицу. Город прован оцептен. У подступов к Москве стояли ненавистные враги. Актеры по 5-6 раз в день выступали в армии генерал-лейтенанта Кузнецова; ставшей несокрушимой громадой у стен великого города.

Из Москвы, по заданию Политуправления РККА, бригада отправилась на далекий Карельский фронт. За четыре месяца она дала тут 318 концертов. В ползучую ночь, при свете северного сияния, на сажах по дремучим лесам пробиралась бригада из одного подразделения в другое. В землянках, где порой нельзя вытиснуться во весь рост, давались концерты, и бойцы прожогали актеров, как самых дорогих гостей.

Военный совет Карельского фронта награждает режиссера А. Шапо и балетиста М. Федорова орденом Красной Звезды, а актеров П. Никандрова, Н. Володки, М. Зиновьева, и Я. Глигмана — медалью «За боевые заслуги».

Г. НЕРЕСОВ.

Герой Советского Союза А. Груздин. Худ. Г. БЕРШАДСКИЙ.

Италека вояка, Шки в броне, Взд-вперед марширующее, К. ксему прикыкающее, От швей страдающее, От русских пуль умирающее, В ступение впадающее, Тлсто псчу ждущее, От холода стонущее, Конца Гитлера ожидающее.

Здесь сознание того, что Гитлер — не новик войны, — уже налицо. Прекращение солдатских мытарств связывается с ожиданием конца Гитлера. Антифашистские настроения автора бесспорны.

Еще более политически заострены стихи, найденные в дневнике убитого вояки Будогоши солдата Вильфреда Нойда — «Лювля швей». Как известно, швей — бич германской армии, от которого она не избавилась и с наступлением весны. Стихи, посвященные этой острой проблеме, заканчиваются такими выводами:

Их, когда мир взойдет над домами И я живым домой возвращусь, Сочтуса я с тем, кто покрывл меня шмай, Кто немцев терзает, как вошь, на гнус.

Примус я за тех, кто кровь из народа Сосет жесточе всяких швей, Кого не палым, не ногем давят, Кого пулей ружейной достану скорей.

Стихи, написанные искренне и резко, кажутся, что есть уже в германской армии солдаты, понимающие не только то, что Гитлер кровопийца, но и необходимость разлаяться с ним и его банда самым решительным образом.

Солдатское творчество носит теперь ярко выраженный антивоенный характер. Вне зависимости от степени политической развитости авторов, все они хотя прежде всего одного — окончания войны. Наиболее вдумчивые рекомендуют уже и путь к этому — освобождение Германии от преступной гитлеровской клики.

Солдатские дневники начального периода войны содержат немало вырвев, исполненных лживого пафоса фашистской воинствующей идеологии. Солдаты часто переписывают понравившиеся им стихи на фронтовых газетках или сами сочиняли их. Притом часто в антифашистской форме переписали лживую «поэму стихов» салы в особенно большом количестве на Франции. Они содержали жалкие бравады, их авторам море было по колено. Теперь такие стихи не встречаются совершенно. Если попадаются ныне вырвы на нейтральных темах, то они в лучшем случае посвящены суровости русской природы. А лживая героика осталась уделом лишь «литературных» страниц фашистских фронтовых газет.

Германская военная печать ведет постоянную однообразно-назойливую пропаганду против «сепитиков». Она требует от солдат не только бойких писем на родину, но и «выпрямленных плеч, металла в голосе». Она крестит «недостойными немцами» и «врагами народа» солдат, которые делаются с товарищами своими все растущими сомнениями. Она пичкает солдатскую массу странностями «юмора», озаглавленными «Смейся громче». Но никакой бодисты, никакой «металла» не слышно даже в том солдатском творчестве, которое печатает сама эта газета. Любедные бравады подставляются этим листкам господна на «рот проп-ганды», а юморески, исходящие от солдат, — это юмор висельников. На девять десятых посвященные они продовольственным нехваткам, отсутствию подвоза, неустойчивым бытам. Газета одной из танковых армий — «Новости» своей «юбилейной» сотый номер целиком посвящает тому, как германские солдаты... грабят местное население. Тут рифмованные анекдоты о зарезанных «вражских курицах», фельетоны о сжигаемой на топливо мебели и т. п. Разнообразит номер только фельетон, высмеивающий врачей, берущих в армию калек, да стихи с жалобами на скудость питания.

Скелосе — неизбежный теперь удел германских солдат. Они отказываются бороться и называют черное белым. Их нелегальное литературное творчество свидетельствует о падении боевого духа. Мы знаем, что в массе своей германская армия пока еще довольно послушное оружие Гитлера. Но недовольство войной и начало разложения армии уже налицо. В числе прочих симптомов нелегальные стихи немецких солдат свидетельствуют об этом с неопровержимой убедительностью.

Здоровы ли вы, хорошо ли вам? Ах, зачем она пришла, Эта страшная война, Ах, зачем же вас она От меня оторвала!

К той же группе излияний тоски может быть отнесено найденное у убитого солдата Ганса Мюллера и тоже адресованное домой стихотворение «Осободившийся от солдатчины». В нем, однако, звучит и усталость от войны, тоскливое ожидание смерти:

За Вислой, где летчики в небе парят, Где в землю глубоко спрятали морды отряд, Где людей терзал паразитов рой, Целый вздох: опустите меня домой, мой дом.

Летом по этой бескрайней земле Нехотел танулся в пыли и песке, В глазах была горест; измучен, худой, Шептал: опустите меня домой, мой дом.

Зимой в заснеженном этом краю Лишь труп его жалкий чернел на снегу. Заниска прижата была бородой: «Опустите меня домой, мой дом».

Автор еще не задается вопросом о виновниках солдатской смерти в «зависляющих» снегах; он еще не спрашивает себя, кому нужна эта смерть. Тем не менее в этих стихах звучит очень важный новый мотив: сознание обреченности германского солдата, попавшего в «зависляющие» края.

Значительно более внятно политически, хотя тоже не содержит еще прямых призывов к действию, найденное у нескольких убитых солдат стихотворение — «Что такое немецкий солдат в России?». «Что такое немецкий солдат в России?», спрашивает неизвестный автор и отвечает:

В землянку дыру залезающее, Миса и масса давно уж не знающее, Канустные степи курящее, Милла не употребляющее, Кофе не пьющее,

Жизнь опровергла тут выдуманную «теорию». Появление 7-й симфонии Дм. Шостаковича имеет глубокий смысл, подтверждает возможность создания крупных произведений искусства, выдающихся ценностей культуры в суровые дни войны.

В области симфонической музыки во время войны успешно работали известные мастера — Н. Мяковский, создавший 22-ю и 23-ю симфонии, Р. Глиэр, А. Гедике и др.

Среди крупных форм музыкального искусства особое место занимает опера. В свое время П. И. Чайковский писал: «Опера имеет то преимущество, что дает возможность говорить языком масс». Несомненно, что в оперном произведении с большой полнотой и доступностью для широкой аудитории слушателей и зрителей композитор может выразить многообразный мир чувств.

Сейчас ряд советских композиторов работает над воплощением в опере героических страниц прошлого. Во время войны созданы новые оперы: «Ледовое погонение» Г. Таранова, «Суворова» С. Васильева, «Итальянцы» Пугачева, «Война и мир» (по Толстому) С. Прокофьева. Но все эти сочинения трактуют исторические темы, говорят о прошлом.

Героические люди и эпизоды отечественной истории пока еще не получили своего отражения в оперных произведениях, если не считать одноактных опер: Держинского — «Кровь народа», Черемухина — «Налина», Афоняева — «Гнев народа». Естественно, что за короткий срок создать оперу невозможно. Однако и подготовительных работ в этой области ведется крайне мало. Специфические особенности оперного произведения, с одной стороны, гигантский размах событий, с другой, вызывает сомнения в возможности полноценного отображения событий отечественной войны в опере. Показывать сколько-нибудь широко батальные сцены, скажем, танковый бой в опере, действительно невозможно, да и не нужно. Не в этом состоит подлинноеобразие нашей действительности в

крупном музыкальном произведении. Героические характеры, мысли, чувства людей, борющихся за свободу и независимость нашей родины, за освобождение свободных народов мира, — вот что должно явиться содержанием новой советской оперы об отечественной войне, над созданием которой должна интенсивно работать творческая мысль советских композиторов.

Несомненно, значительное место в советской музыке займет жанр оратории, представляющий большие возможности для раскрытия героической темы. Текст, входящий в состав оратории, позволяет достигнуть большей конкретности и выразительности музыкального образа, большей непосредственности в его воздействии.

В дни отечественной войны мастерам искусства нельзя оставаться на позициях, которые были уместны в мирной обстановке, но устарели, отстали от жизни сейчас. Точно так же и в период, когда война вступила во второй этап, музыкальное искусство не может ограничиться крутом тем и проблем, которые стояли перед композиторами в первые месяцы войны. Они должны быть расширены и усложнены.

Подлинный гражданский пафос художника рождает творческие поиски, неустанное совершенствование мастерства. Композиторы должны всем сердцем прислушаться к словам товарища Сталина: «... научить в совершенстве свое оружие, стать мастерами своего дела и научиться, таким образом, бить врага наверняка».

Глубокая преданность родине, желание все силы отдать борьбе с врагом, огромная интенсивность творческой работы советских композиторов послужат стимулом для создания новых музыкальных произведений, новых симфоний и опер, новых песен, в которых будет с небываемой силой восста героическая борьба советского народа, грядущая победа над врагом.

Великая победа в грядущую победу. Именно поэтому в музыкальных произведениях должны получить свое воплоще-

ние лирика мужества и борьбы, воля к победе, высокие патристические чувства советских людей.

Было бы неправильным сказать, что сентиментально-слезливые песни занимают у нас сколько-нибудь преобладающее место. Но они существуют и претендуют на известное влияние. Отдельные, в том числе и одаренные музыканты идут по линии наименьшего сопротивления, нетребовательно к себе, неучитывая избораемых тем и средств музыкального выражения. Вот почему эти проблемы нуждаются в обстоятельном обсуждении.

Дело вовсе не в том, чтобы как-либо ограничить лирические мотивы в песенном творчестве. Речь идет о качестве лирики, о диапазоне ее, о передаче истинных чувств, а не их суррогатов.

Героическое и лирическое. Можно привести ряд примеров, показывающих, как соа эти начала сочетаются в одном художественном произведении. Такова, скажем, общезвестная песня Белого «Орленок». В ней есть и драматизм, и живое человеческое чувство, волевы, мужественный взгляд на мир. Такова песня Фрадкина «На Днепре» и другие. Это подчеркивает единные исходные начала подлинных произведений искусства, ка каким бы жанром они ни принадлежали.

Новое содержание, которое выражает сейчас композитор в своем творчестве, требует и поисков новых выразительных средств. Рассказывая о великих делах эпохи в произведениях, написанных в форме вальса или боза, вообще говоря, может быть использована в массовой песне; однако тот универсализм, с которым сейчас применяются эти танцевально-жаргонные формы при создании массовых песен, вряд ли можно считать закономерным. Поиски новых доходчивых выразительных средств не могут не сочетаться со стремлением к большему разнообразию жанров в песенном творчестве, чем это имеет место сейчас. Нужны песни строевые, походные, песни об отдельных родах оружия, песни веселые, шуточные и т. д.

Некоторые музыканты утверждали, что творчество композиторов в дни войны неизбежно будет замкнуто в рамках песни.

За время войны появился ряд значительных симфонических и хорошевых произведений, отражающих героические образы нашей действительности. Широкое внимание советской общественности привлекла к себе 7-я симфония Дм. Шостаковича, в которой композитор с большой художественной силой выразил огромное идейное содержание, мысли и чувства народа, ведущего непримиримую борьбу с фашистскими захватчиками.

Немалое количество новых патристических песен получило популярность, завоевав признание народа. Среди них необходимо, прежде всего, отметить красноармейские песни А. Александрова и песни В. Захарова, побуждающие трогательную любовь бойцов и командиров, рабочих и колхозников. В числе лучших песен, созданных в дни войны, следует упомянуть также «До свиданья, города и хаты», «Батышцы-краснофлотцы» и «Москвичи» Блантера, «Кавалерийский эскадрон» Бр. Покрысов, «Красные конники» Белого, «На товарищ комиссар» и «Вася-Василек» Новикова, «На Днепре» Фрадкина, «Партизанская» Васильева-Бутяга, «Два Максима» и «Провожальная» Каца, «Наши генералы» Милютина. Все эти песни, затрагивая различные стороны нашей жизни и борьбы в дни войны, пронизаны единым патристическим чувством.

Неудачи многих наших композиторов, особенно в начале войны, в жанре доходчивой, боевой героической песни породили теорию о том, что сейчас необходима преимущественно лирика, и поэтому все усилия надо направлять в эту область творчества. Такого рода взгляды нашли свое выражение и на недавнем пленуме Союза советских композиторов.

Если послушать некоторых теоретиков, кажется, что ничего, кроме лирики, в песенном творчестве не имеет сейчас пра-

ва на существование; никакие другие песни, кроме лирических, не пользуются признанием в Красной Армии, у миллионов аудитории радиослушателей и т. д. Это, несомненно, неправильная и вредная точка зрения.

Потребность в хорошей лирической песне бесспорно огромна, и советские композиторы должны полностью ее удовлетворить. Однако совершенно бесспорно и то, что героика отечественной войны должна найти свое первенствующее выражение в нашем искусстве, в том числе и в песенном творчестве.

Никакие теоретические выкладки, аргументы от «психологии», быта не могут быть противопоставлены задаче создания героического искусства, которое поднимает нас боевой дух народа.

Героика — огромный, многообразный мир чувств и переживаний: это любовь к родине, к народу, ненависть к врагу, воспевание великих подвигов, горечь утрат, радость победы.

Как можно исключить из сферы музыкального искусства самые главные, самые возвышенные и благородные чувства народа — героические?

В музыкальных произведениях, в наших песнях должны более мощно звучать героические темы, должны найти яркое воплощение героические образы защитников нашей родины. Хороших боевых песен у нас еще мало. Их нужно создавать.

Героическая тема требует особых музыкальных средств и приемов. Некоторые композиторы для выражения героической темы используют средства камерных музыкальных жанров, сентиментального бытового романа. Естественно, это не может дать положительных результатов. Ярким примером такого явления служит песня Фомина о Герое Советского Союза Зое Космодемьянской — Тана, написан-

ПОДВИГ И ХАРАКТЕР

Лучшее в человеческой душе раскрывается в подвиге. Сегодня, когда решается судьба человечества, красота подвига — это та самая красота, которая спасет мир. Неудивительно, что люди, чуткие к прекрасному, все силы души вкладывают в изображение героического подвига.

Человек оказывается в поступке. Но правда в изображении героя — это весь человек, а не только его героический поступок. Описание поступка само по себе без смысла, оно индивидуальным строем чувств, мыслей и переживаний человека, без раскрытия того, как личностью героя определяются условия жизни и понимания закономерности человеческой судьбы. Вот этого и не хватает даже в лучших рассказах о героике наших дней.

Рассказ Валентина Катаева «Флаг» ставит подвиг тридцати советских моряков, погибших на боевом рубеже. В основу этого рассказа, как сообщает автор, положен подлинный случай. Можно было бы и не делать такого примечания, мы и так верим художнику по силе его искусства. Однако указание это, разбудив интерес к личности героя, только более ответственности заставляет осознать особенность катевского изображения: в картине не видно лица, только выразительный облик. Неизвестен не только внешний облик, хотя бы некоторые герои, но даже не названы они по имени, а просто «командир» и «комиссар».

Вот сцена в командирской каюте: «Командир протянул условия капитуляции комиссару. Комиссар прочел и сказал дежурному: — Хорошо. Идите. Дежурный вышел. — Они хотят видеть флаг на кире, — сказал командир задумчиво, когда дежурный вышел. — Да, — сказал комиссар. — Они его увидят, — сказал командир, напевая шепелью».

При всей выразительности краткости манеры, в которой написан рассказ, невыразительна ли бы эта и другие сцены в своей выразительности, если бы «лишнее» всякой нашло бы в них свое место — как-то реальная деталь бытия, неповторимая черта личности? Однако для этого, по мнению автора, нужно знать не только тот подлинный случай, как основу сюжета, но более глубоко знать самих людей.

Статистика имеет дело со «средним человеком», с цифрой. Ученые беглецы Г. Кетле и «среднего человека», мудрое в статистике, ничего не говорит нам за ее пределами. Может ли существовать статистика подвига? Да, она существует, и ее материал ширится с каждым днем. Кто из нас, просматривая списки награжденных, это свидетельство нарастающей силы нашей армии, не испытывал потребности узнать все о делах этих людей, узнать, понять их самих? Это не «средние» люди. Однако самое количество советских людей-героев отвергает и глупую мысль о «сверхчеловеке». Во всех честных, неуспевающих сердцах оно поселяет жажду героического и повышает потребность к себе. Человек нередко само не знает своего «подвига». Наши обоводительная война дала «прирост» племен героев в народе, цветение творчества сил ума и души, сделала ненасытной к врагу освежающий источник водности и стойкости. Такова тема победоносной жизни.

Пифосом этой теме живет Николай Тихонов и в отходе, и в прозе. Его ленинградские рассказы — как бы прозаический комментарий к поэме «Киров снами». Поэму ведут образ Кирова и образ старика-рабочего, чей «неподкупен язык». Современная тихоновская проза — подготовительные этюды к большой, не написанной еще картине. Его ленинградские рассказы довольно точно отвечают своему общему названию «Человек советского человека». Тихонов дает зарисовки отдельных положений, раскрывающих психологию героями ленинградцев, как общей нормы человеческого поведения.

Известна подвиг из разряда чудес! Это и значит на самом деле поверить в чудо, в безграничные возможности наших людей, защищающих свою родину землей.

Вот рассказ «Лодки на плоту». Немецкий пират рабобомил маленький пассажирский пароход. Среди других пассажиров в холодной воде Финского залива очутился и фотограф «лейкой», который он очень дорожил. Он уже притонул и пошел на дно, но внезапно его подтолкнуло стремительно вверх, он почувствовал резкий удар в плечо и, отрыв глаза, увидел, что его подталкивал рядом о плотом». На плоту сидели трое мужчин и одна молодая женщина, которая кричала истошно и рвала на себе одежду. Ее спутники, ошеломленные бомбежкой, не обращали на нее никакого внимания.

«Приподнявшись над досками, выплевывая горушку воды изо рта, фотограф обратился к неподвижным мужчинам: — Что вы не можете успокоить эту женщину? — Он спросил, как ему показалось, громким голосом, чтобы перебить крик женщины, равней на себе одежде, смотревшей куда-то вдаль, откуда надвигался вечер: — Кто здесь коммунист? — Крайний к нему человек посмотрел на него в упор сверху вниз и сказал: «Я» и протянул руку, чтобы помочь фотографу взобраться на плот».

В этот момент волна оторвала его от плота, он погрузился в воду и когда вылез, плота уже волею его не было. Фотограф был так спасен. Спустился и те, кто был на плоту. И вот заключительная сцена рассказа: «Фотограф узнал того человека, что на плоту ответил ему: «Я». Он спросил, улыбаясь: «Ну, а как женщина? Успокоилась?» Человек со шрамом смутился, но все же ответил: «Успокоилась. Выяли себя в руки и успокоили. Ваш оклик вернул нас всех к жизни. Вы так неожиданно возникли из моря и так неожиданно исчезли. Мы в этот момент, когда спаслись, все время думали о вас и говорили. И я пришел сюда специально рассказать о вашем поведении».

Ну, какое там поведение, — сказал фотограф. — Вот «лейка» пошла ко дну, кака, если бы вы знали... О!».

Мы узнаем о фотографии только то, как он вел себя в страшную минуту после истопления парохода и как он любил свою «лейку». Но этого достаточно, чтобы

сказать о уверенности: на это человека можно положиться, он не подведет. Скромность, самоотверженность — таковы черты советского человека.

Но достаточно ли этих черт для создания образа? Этого сказать нельзя. Во всяком случае, если бы мы, будучи человеком мужественным и самоотверженным, оказались бы на край гибели и полагались бы сначала вскарабкаться на плот, а потом уже стали успокаивать женщину, то от такой последовательности действий не было бы ущерба ни вашей мужественности, ни вашему героизму. И выглядело бы это, пожалуй, более естественно и правдоподобно.

Однако не все это правда, что положе на нее. Именно забота о страдающем человеке, хотя и находящемся в менее опасном положении, чем сам герой, составляет сущность образа последнего и смысл рассказа.

Обычные тихоновские рассказы и выстраиваются как раз в том, что может показаться неправоподобным в поведении его героя и что может быть оспорено с точки зрения иного честного, мужественного и самоотверженного человека. А между тем, в данном случае, это правда. Вот этот чудак с «лейкой», который чуть ли не вылезал из Финского залива, путешествуя на дно и обратно и несколько от всего этого обалдел, был возвращен к сознанию жизни человеческой криком женщины и потрясен равнодушным мужиком больше, нежели собственным своим крайне неустроенным положением.

Чего же не хватает в рассказе Тихонова для того, чтобы поверить в правдивость поступка фотографа? Не хватает какого-то штриха, какого-то может быть, незначительного эпизода, который бы художественно определил характер героя. Не хватает ощущения всего человека, который сказался в поступке.

Как, какими художественными средствами создается характер? Каждый художник по-своему решает эту коренную задачу искусства.

В рассказе «Голубой шарф» Леонид Соколов стремится раскрыть тайну рождения подвига. Его герой — в чине майора, в возрасте летчика запаса. Вот все, что знаем мы о нем. Но Соколов, повидимому, даже и не ставит перед собой задачи создания характера: «Это был этот летчик и где я его встретил... зачем вам знать про то? Не об отъезде его, а о том, как она родилась, пойдет речь, а тайны человеческого сердца надо уважать».

Как же можно узнать тайну человеческого сердца, не интересуясь самим человеком? Леонид Соколов пытается это сделать в «Голубом шарфе», но несмотря на эффектность его рассказа, результат получается иллюзорный.

Над кабиной опытного летчика-истребителя развевался голубой шарф. Откуда он и что означает? В рассказе сталкиваются два плана — романтический и реальный, интуитивный — художника и правды действительности. Автор замечает, что его догадки «оказались бледнее, чем правда жизни и войны». Все было проще, страшнее и значительнее.

В поисках неприкрашенной правды жизни художник втягивает нас в свою творческую лабораторию. Романтический голубой шарф, с которым не расстается летчик, как с амулетом, связывается сначала в фантазиях художника с традиционным образом любви молодой девушки.

Однако чуткий художник не принимает такого объяснения тайн шарфа.

И тогда возникает другой вариант: оставленная квартира, разоренной жизни, брошенных в беспорядке вещей и среди них — голубого шарфа.

Автор оставляет и второй вариант, даже не примеривая его к образу своего героя. Ночью, во время бессонницы, сам герой, разгоряченный ожиданием предстоящего боя, рассказывает автору о странной своей причуде. В первые дни войны опытный советский летчик потерял, неудачу. Выхватив на охранный его отряд, его детей. Внезапно налетели «Юнкерсы» пробила советскому самолету бак и расстреляла лежащих на пляже.

«Он выскочил из кабины, шатаясь. Кровь валила плыв в его глазах. Вылез из под огня, он отпрянул. Перед ним лежала девушка, склонил на плечо голову. Солнце золотило ее нежную кожу и легкую тенью отмечало неразрывную связь. Ниже груди кровавый тонкий поясок спускался к левому бедру — след быстрых, острых пуль, пронзающих насквозь живот. В откинутой руке был важный летчик голубой шарф единственная ее броня и защита, которой она пыталась прикрыться от пуль на бегу».

Вот этот голубой шарф, предельно выразительный знак беззащитности, след советский воин своим боевым знаменем в борьбе с озверевым врагом.

Странное дело! Несмотря на литературный блеск, с которым написан рассказ, его развязка не удовлетворяет нашу потребность в жизненной правде, а, напротив, вас не покидает эзкое ощущение вымысла. Кажется, что можно было бы проложить и дальше замысловатую игру воображения и создавать новые варианты объяснения тайны голубого шарфа.

Чем же обусловлено впечатление неадекватности рассказа? Могут сказать, что напрасно Соколов ввел рядя, исключительный сюжет, стремясь раскрыть общее, массовое явление героизма в наши дни. Но дело не в этом. Эпизод с голубым шарфом, рассказанным майором, вполне реален (хотя картина на пляже слишком «эстетна»). Ошибка автора в том, что, задавшись целью написать историю подвига, он оказался внешне историчен: поступок оторвал от характера.

«Это был этот летчик... зачем вам знать про то?» — спрашивает автор. Как, зачем? Именно это мы и хотим знать, чтобы понять тайну рождения отваги. Если бы герой был конкретен, если бы как-то показана была его натура, то правда человеческого сердца, простого, виденного убитой девушкой, предстала бы пред нами, как обобщенный образ. Но тогда в рассказ не влезли бы «варианты» моего воображения! — может сказать автор. И об оградим, скажем мы в ответ, как ни хороши они, мы с них не получаемся. Нам нужна правда беспримечной действительности наших дней, а этого не узнать, если вы не дадите нам характера.

Своими путями, в борьбе лет боев с мужеством и ненавистью. Создать характер — это и значит сказать правду о человеке на войне.

О ЛЕНИНГРАДЕ

Ленинградские писатели, с честью пройдя через тяжелые испытания зимнего периода, озабочены сейчас налаживанием издательского дела, восстановлением регулярного выхода журналов и другими сторонами своей работы и жизни. Сейчас в Ленинграде созывается конференция писателей. Конференция эта обещает быть очень интересной и значительной.

Мне трудно перечислить работы всех товарищей. Леонид Борисов, наш ленинградский прозаик, о первой книге которого «Ход конем» А. М. Горький написал сочувственную статью, готовит сборник рассказов; В. Кетлинская пишет материалы Ленинградских дней; О. Кузнецова, автор известной книги для детей «Брат под микроскопом», готовит книгу о подвиге; поэтесса З. Шнинова написала поэму о «дороге жизни» — так называлась у нас ледовая дорога через Ладожское озеро, по которой шло снабжение города продовольствием и боеприпасами; И. Крутой, автор романа «Болото», написал книгу рассказов и очерков; А. Голубева, автор книги «Мальчик из Уржума», написала о жизни рассказов ранних бойцов и на этом богатейшем материале готовит книгу; драматург Л. Караван посвятил свою пьесу герою Ханко; сборник стихов подготовили О. Бертольди, Елена Венцова и другие поэты.

Лично моя основная работа над монографией в нескольких томах — «Горный и его время» — сейчас прервалась, так как все мое время посвящено общественной и оборонной работой. Я надеюсь, что теперь обстоятельства позволят мне написать книгу о моей депутатской работе в осажденном Ленинграде.

На днях будет прислан в Москву альманах ленинградских писателей, размером до 20 печатных листов. Нужно добавить, что, встречаая ватруднения полиграфические, мы возобновили в Ленинграде традицию устных альманахов. Один из них был связан с памятной для нас, более чем скромной по условиям нашего бытия, встрече нового года. На этом альманахе впервые прочла наш главы своей замечательной поэмы о Ленинграде наш поэтесса Л. Инбер.

Невозможно здесь перечислить все, что сделали ленинградские писатели-фронтовики, как старые заслуженные наши поэты, прозаики, публицисты, так и молодые товарищи, вливающиеся сейчас в ряды Союза советских писателей. Эту огромную работу во всем объеме должна показывать конференция.

В моей памяти много эпизодов проявления мужества и стойкости товарищей, необыкновенной преданности своему писательскому делу, своему городу, народу и родине. Чтобы дать представление о нашем бытии и наших настроениях, я расскажу об одном из устных альманахов.

Это было в Ленинский день, 22 января, в наиболее тяжелый период блокады. Мы собрались в одной из комнат Дома писателя, надев на себя все, что можно было надеть, и несколькими полными не протоптанной комнате, а только слегка подсушив воздух. Не все товарищи однако во стойкой перекопали трудности той зимой, и мне, начинающему альманах, казалось, что нужно использовать его для прямого и открытого разговора. Я был счастлив, встретив очень горячий, единодушный и дружеский отклик со стороны товарищей. Речь моя была посвящена Ленин, как нашему учителю. В заключение я говорил о положении и работе писателя в Ленинграде. Я привел конспект сохранившейся стенограммы, и может быть, как документ тех дней, она скажет больше и точнее, чем какие-либо пояснения.

«Мы сейчас лишены необходимых условий нашей работы. У нас нет света, нет тепла, мы голодны. И вот поднимается время от времени вопрос: нужен ли в этих условиях писательский труд в Ленинграде? Нужен или не нужен? Мне кажется, что самый вопрос этот — праздный и ненужный, потому что настоящий писательский труд, действительно творческий труд прежде всего непрерывен и неизбежен, независимо от тех или иных неудобств и лишений. Если он не реализуется сейчас за письменным столом, то он необходимо происходит в душе, в мысли, в творческой мысли писателя. И уж, конечно, особенно значителен этот труд сейчас, здесь, в нашем трагическом и героическом городе, в осажденном Ленинграде».

Мне хочется сказать всем: «Товарищи! Подумайте о том, какое счастье жить в Ленинграде, о писательском удаче, которая в эти дни поставила нас не в зазорных истории, а на фронте истории, лицом к лицу с грозными событиями, в великом городе, суровые дни которого войдут в историю тысячелетий. И если есть у нас уши, которые слышат, и глаза, которые видят, подумайте о том, что ведь вот именно нам выпало счастье запечатлеть то, что мы видим и слышим, и ни один человек в мире не может нас замочить. Каждый день города Ленинграда неповторим, не в календарном шаблонном смысле, а в том смысле, что за семь месяцев каждый день менялся исторический облик нашего города. Кто же, как не писатель, жалко и страстно глядящийся в этот стремительный лет истории? И пока твои физические силы позволяют тебе жить в Ленинграде, помни, что ты живешь на великом месте земли. И не бойся превращения, я скажу, что каждый прожитый день в Ленинграде — наше счастье».

А. ВЕНЦЛОВА

РОДИНА

Моя родина — Немана синие волны,
Берега близ Паланги, алтарный песок.
Ветер море белекает, нежность полный,
И усталый прибой на песке изномог.

Моя родина — взгорье, березы и поле,
Небеса в ней синие цветущего льна.
Запах родины нежен и сладок до боли,
В час заката, когда за полях тишина.

Почти родины в росах пахнут перцем
взором:
Летя в шпес, ропот цветов на дугах,
Поле тронут ранним морозным узором,
Осыпаясь медью березы в лесах.

Целую жаворонка и люблю всей купно,
В сером небе, над полем, где серая гзла,
И морозы люблю за искусство больше —
Чаровать на озерях и росить стекла.

И грущу я по блекнущим листьям садовым,
По клевовав листве, по сонной волне,
И по этому косы с ее ритмом струвам,
По осеннему небу, зеленой весне.

О тебе, мой народ, я тоскую немало:
Горю твою постоянно ласкает мой слух.
Песни нежно звучат, как звучали, бывало,
И они поднимают измученный дух.

От ударов веков твои очи запылали,
И морщины легли от ударов врага.
Твое тело и душу враги истерзали,
Может быть, оттого ты мне так дорога!

Ты выросла меня и вскормила, как сына,
И дыханье свое ты смешала с моим,
И корнями с тобой мы смешались воедино,
Будем вместе бороться, и мы победим!

Перевела с литовского С. МАР.

Наталья СОКОЛОВА

ХУДОЖНИК НА ВАХТЕ

Борис Пророков ушел на фронт добровольцем. Почти десять месяцев войны он провел на переднем крае обороны среди бойцов и бесконечно нес свою вахту во фронтовой газете. Пророков — художник, но в тех условиях он прежде всего был бойцом.

Героически защищая краснофлотский артиллерийский дивизион. Крутым все делало войной. Даже величественные и суровые пейзажи, которые всегда приносили художнику отраду, серые морты боевого затишья, нельзя было воспринимать вне войны. В лесах и скалах таились вражеские снайперы, земля была изрыта десятками тысяч снарядов, гранат и мин.

Морозы кроваво били, земля была красна, как ладонь, и на нее падала ошметки разведчиков, убитого в бою. Краснофлотцы отдают салют товарищу и написали в своей фронтовой газете: «И если бы найдешь тот камень среди других таких камней, то обними его руками, своим дыханьем обогрей!» Равнодушный природы, безмолвного «шлепа» больше не чувствовалось...

Борис Пророков выросла комсомольская пещера. Его карикатуры, дружеские шутки очинялись для читателей «Комсомольской правды», так же его молодого и жаждало искусство.

«Гробовое молчание» Рисунок художника Б. ПРОРОКОВА.

путевого дневника, на которых изображались боевой вылет бомбардировщика. Сильными и резкими чертами художник клемил Гитлера. Ночь, рассыпанные звезды, два страшных призрака, как выходы из гробов, притупленные к мотылькам крестам, — это Гитлер и Геббельс. Куроткая, в два слова, подпись: «Гробовое молчание». Гробовое затишье перед катастрофой. Целая серия трагических образов определяет стиль и характер отледа юмора. Таков и извольетон Пророков и Дудина «Пара гнедых»:

Скорю туманное утро настает,
Гитлер навеки останется нем,
Вошки опустит и ноги протянет
И околет совсем.

Грязное тело поганые дроги
К свалке везут, без друзей и родных,
Вслед за хояином вытнуты ноги
Пара гнедых, пара гнедых...

Иной раз Пророков было некому рисовать фашистские морды, копать во всей этой фашистской нечисти. Пользуясь минутой затишья, художник вырвался на свет, к морю. Перед ним лежала просторы пустынного берега, там была большая земля, родина. Он с наслаждением рисовал портреты героев, летчиков, которые позировали ему тут же на аэродроме, отличившихся в боях командиров, краснофлотцев. Все эти люди пришли сюда с разных концов великой страны и в героические месяцы активной обороны, контракта, отважных боевых десантов стали братьями.

Линия, которой художник передавал очертания этих лиц, становилась пластичной, рисунок — мужественным, все подробности, которые иной раз затмевают образ, исчезали, и безмолвный язык черных силуэтов на белом поле газетного листа становился романтически приподнятым, торжественным. И спрашиваешь себя: откуда у молодого, карикатуриста, мастера тонких иронических рисунков, всякая эта лаконичная суровая речь оратора, сонная, живописная манера письма? Художник строил лицевую, торжественную, чтобы не задерживать газету, и подробности сами собой исчезали. Так как Пророков объясняет сложный процесс своего стремительного творческого роста. Но разве техника и темпы работы определяют рождение стиля?

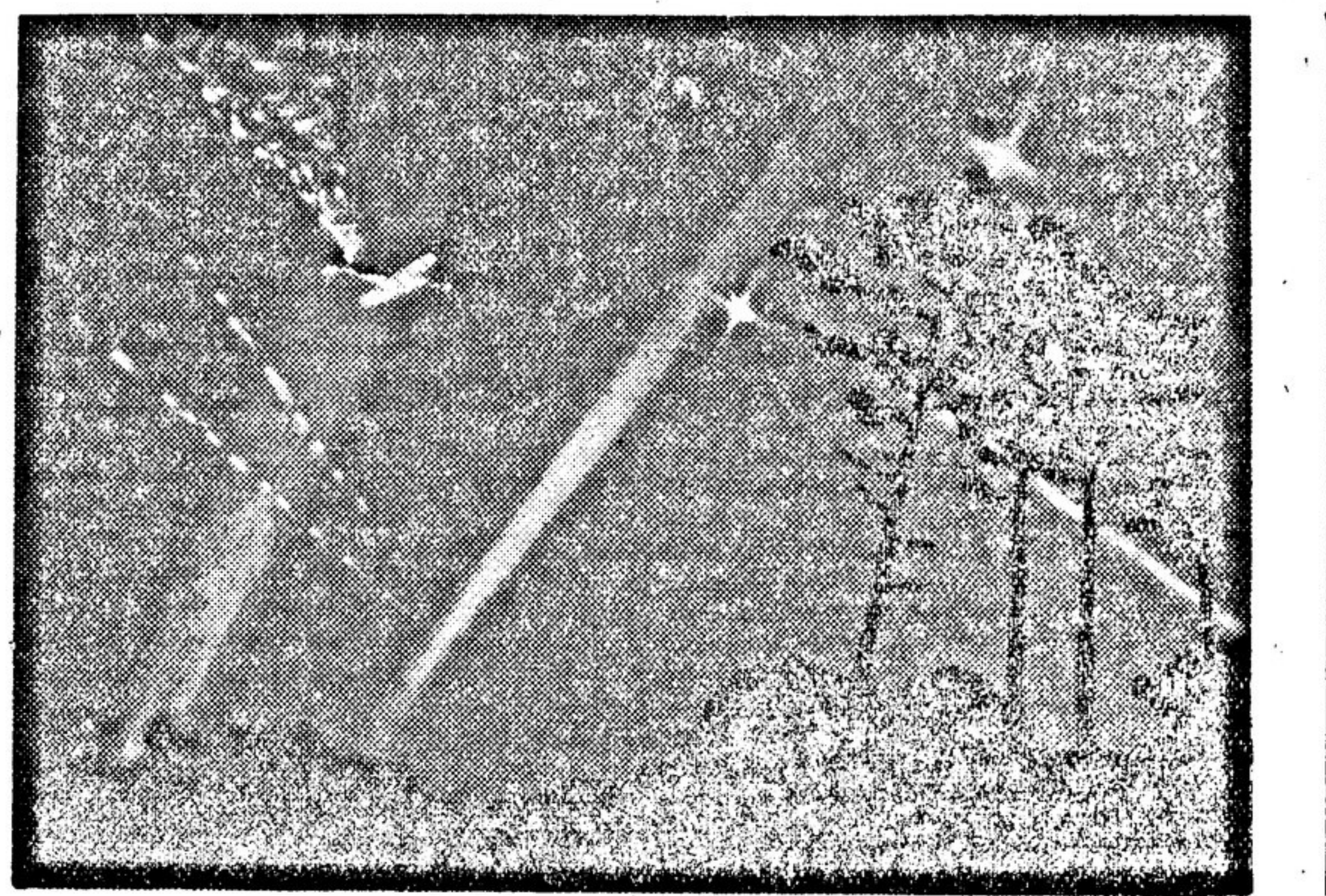
Позади осталась лирическая нежность детородного рисунка и веселый юмор добродушных шаржей. Обветрело лицо под флотской фуражкой, огрубели руки от винтовки и самодельного пистолета, и лицом стало сердце художника-фронтовика. Мы знали и раньше, что русское искусство сильно боевыми традициями, что гений Толстого окреп на бастионах Севастополя, что поэт и воин Давыд Давыдов закалял свое музу на поле брани, что Верещагин полжизни провел на посту военного корреспондента. Но все это была для нас история. Сейчас мы видим собственные глазами, как самый скромный талант музает в священной войне за родину, как артист становится художником-воином.

...Самую лучшую бумагу редакция добрела для праздничного номера 7 ноября 1941 года. В этот день газета вышла торжественная, на восьмью полосах, в две краски. Отдел юмора захватил всю четвертую полосу. Радист поймал и записал для газеты от слова и до слова речь Сталина — голос отчизны. Стрелки запущены в лагерь противника на острие специально сделанных стрел боевые листовки, рисованные художниками. Это был гордый и дерзкий ответ фронтовым привостам. Отряд, осаждающий с трех сторон, попрережму держался стойко:

Мы шли вперед для славот и расплаты,
Нас в бой водила ненависть и месть,
Пусть каждому запомнится малолет,
Что мы ныне не очерняли здесь.
Ни славы нашей родины, ни долга.

Пророков иллюстрировал эти стихи красивым патетическим рисунком. Развевается знамя, и идет вперед краснофлотец. А кругом шумит битва, и уже ветер радости доводит.

Кому доводилось держать в руках листки фронтовых газет, сверстанных в землянках и блиндажах, кому доводилось пробегать их от доски до доски, вычитывая в каждую заметку, доставленную в редакцию сызыком, тот знает, какое глубокое чувство гордости за человека, преданного делу перед человеком охватывает сердце. Эти газетчики — летописцы великой отечественной войны — лягут под стекла музейных витрин, и человек будущей, новой эпохи поделит с ним с тем же священный трепетом, с каким мы подошли, к полковому знамени, простреленному в боях.

Кадр из фильма «Клятва Тимура», сделанный методом комбинированной съемки.

А. ЗОНИН

ПОЭТ-МОРЯК

Всего два года назад Алексей Алексеевич Лебедев, наш чудесный поэт-моряк, был курсантом Военно-Морского училища имени Фрунзе. На миноносце «Ленин» он пришел в бескомпромиссному литовца славной школы русских моряков.

Миноносцем нес ледовые дозоры, ходил в охране линкоров в вражеском Бирорке, неутомимо искал подводного и надводного противника на Финском заливе, следовал в составе отряда протараня, чтобы проложить безопасные фарватеры эскадре.

Ледяной режкий ветер кидал в наши лица колючий, жесткий снег и со злым упорством гудел в снахтах. Войцы обивали лед на обвесах, орудий и торпедных аппаратах. За Сексаром гуляла крутая волна, и полубак уходил в глубь моря. При перемене курса корабль клал на тридцать градусов. Частые и длинные размахи действовали на молодых моряков. Но широко, крепкое поморское лицо Алексея Лебедева неизменно выражало удовольствие человека, находящегося в своей стихии. Ведь он вырос как моряк на севере, в штрпах Баренцова моря, много ходил в Атлантике за четыре года матросской службы на советско-финских судах.

Штурман «Ленина», да и все остальные командиры, сразу увидели, что на корабль пришел не обычный курсант, а соловей моря, полноправный член командирской семьи.

Мы могли вместе жить в каюте коридора начоастава, но Лебедев отказался и поместился в старшинском кубрике. Он говорил, что надо соблюдать устав, но я думаю, что сильнее соображений дисциплины в нем жило стремление завести командира к живому общению со старыми опытными специалистами всех служб. Я думаю, Лебедев не прошел мимо тех страниц биографии русских офицеров, в которых рассказывается об учере молодого Нахимова и молодого Макарова у своих подчиненных.

Миноносцем — не линкор. Мы встречались часто. Мы не расставались на мостике, когда миноносцем полным ходом мчался, страдая нрыряющими по подложке и сбрасывая глубинные бомбы. Мы вместе следили за эволюциями отряда в совместном плавании, вернее, я с наслаждением слушал его точные и ясные объяснения.

По отбою мы спускались в каюту и как только заканчивали нашу работу для ежедневного боевого поста корабля (на «Ленине» Алексей написал цикл стихов, посвященных миноносцу — артиллеристам, минерам, машинистам, командиром и комиссару, несколько шутливых вещей) у нас возникал долгий, заволнованный разговор о флоте, его славном прошлом, его насущных требованиях, его грандиозном будущем.

«У Лебедева, — сказал как-то Николай Тихонов, — стихи фэсские, в них присутствуют ветер и море; Лебедев крепко стоит на палубе и будет об этом неплохо писать».

Это очень хорошо сказано. Но когда я познакомился с нашим поэтом, я увидел, что он — не только лирик моря. У него было чувство истории, широкий и глубокий запас знаний моряка, гордого рус-

ской морской традицией и готового славно продолжать ее. Мы вспоминали с ним гений Ушакова, утвердившего русский флаг на Черном и Средиземном морях. Мы вспоминали о трудах русских моряков на Балтике, на Севере, в Тихом океане, в южных полярных морях, о трудах, которыми не захотел и не сумел забыть народного блага и чести воспользоваться бедларным огнемеченным царям.

Я как-то спросил его в упор: — Когда будете менять профессию моряка на положение профессионального поэта? Он ответил просто: — Корни моей поэзии в военно-морской службе, я штурманскому призванию не изменю.

Мне хочется еще рассказать об эмоциональной восприимчивости Алексея. Както на обратном переходе к Кронштадту я задремал под грохот льда, которые ломал наш прекрасный старший корабельщик. Мы подошли к Шеншелеву, когда Алексей закончил читать корректуру книги о Нахимове. Он был заволнованным трагическим концом жизни замечательного сына народа и излиял эту заволнованность в превосходных строках пафосного произведение:

...Стынет лоб его в предсмертной
стуже,
Шепчет флагман в ветер ледяной:
«Старый друг мой, Николай
Бестужев,
Это ты пришел сюда за мной,
Я иду». И падает в подушки
Голова, чтоб не подныться вновь.
...На Малаховом грохочут пушки,
День высок, и ветер сушит кровь.

Я тогда явственно ощутил, что несколько строк поэта могут произвести на сознание читателя и его чувства большее впечатление, чем многолетняя работа прозаика.

Лебедев окончил училище отлично и ушел в подплад на новую лодку, требовавшую громадного напряжения командирских сил. Стал писать реже, окупее, но сильнее, глубже. И арко развернулся в отечественный войну.

В «Возвращении из похода» он писал: «Когда мы подвели отню тонгажу «Потопленных за месяц кораблей», Когда, пройдя три линии барражей, Гектары мино-бомовых полей, Мы выплыли вверх, — нам показало странно

Так близко снова видеть светлый мир,
Костер зари над берегом туманным,
Идуция в гавань портовых бунков;
Небритые, пропахшие соларом,
В тельняшках, что за раз не отстят,
Мы твердо знали, что врагам зардаром
Не удалось у нас в гостях гулять...»

Много стихов запечатлено в его безвестной авиационной книге. Много их в газете. Среди них «Отдых на базе» и «Ночь на Неве», в которых голос поэта зазвучал, как голос возмужавшего питомца лунинской музы.

Откинувшись на спинку кровати, на вооружении флота, это универсальное оружие, это и мины, и торпеды, и снаряды, и бомбы.

С именем лейтенанта поэта Лебедева, еше вылет в строй кораблей первой линии какой-то боевой красавец, и надпись на борту «Поэт лейтенант Лебедев» призовет к новым морским подвигам.

КНИГА О ВОЙНЕ

Писать о войне так, чтобы читатель, даже не бывавший на фронте, понял, что такое война, почувствовал напряженность фронтовых будней, азарт боя и теплоту боевой дружбы...

В книге найдены очень верный тон: бодрый, простой, искренний. Богданов сумел показать, что на войне наши бойцы самоотверженно борются с врагом и совершают подвиги...

Н. КАЛМА.

В КОМИТЕТЕ ПО ДЕЛАМ КИНОМАТОГРАФИИ

13 мая закончилось заседание Комитета по делам кинематографии при СНК СССР, совместно с Главным Политическим Управлением Красной Армии...

Подводя итоги совещания, председатель Комитета по делам кинематографии И. Г. Большаков отметил ведущую роль фронтовых кинооператоров...

КРАСНОАРМЕЙСКОЕ ТВОРЧЕСТВО

На днях в Казани закончился смотр красноармейской самодеятельности. Смотр выявил немало талантливых авторов рассказов, песен, танцевальных номеров...

НАШИ ГЕНЕРАЛЫ

Текст И. ФИНКА. Музыка Ю. МИЛЮТИНА

Музыкальные ноты с текстом песни 'Наши генералы'. Текст описывает героические подвиги генералов на фронте.

Говорили два бойца. Говорили два бойца. Говорили два бойца. Говорили два бойца. Говорили два бойца.

ИЗ ПИСЕМ ФРОНТОВЫХ КИНОХРОНИКЕРОВ

С АВИАДЕСАНТОМ

Можно смело сказать, что это был необычайно киноопедающий. Два аппарата, большой запас пленки, различные кинооборудование были уложены в специальный мешок...

БОЙЦЫ СМЕЮТСЯ

Стелки, фельетоны, анекдоты, карикатуры, басни из красноармейских газет собраны в книгу. У бойца проницательный взгляд и он во время разгара не только то, в чем враг силен, но и то, в чем он слаб...

Рядом с профессиональными писателями (А. Везиновичский, А. Флит, Е. Зозуля, И. Молчанов, А. Твардовский, М. Слободской, А. Прокофьев и др.) в сборнике выступают совсем новые люди...

С. НАГОРНЫЙ.

«УКРАИНСКАЯ ЛИТЕРАТУРА»

В Украинском издательстве при ЦК КП(б)У вышел из печати и разошелся подписчикам № 1-2 ежемесячного журнала «Украинская литература»...

В Детнаде выходят сборники рассказов Льва Кассиля «Твой шаг», «Короткие рассказы», написанные для детей дошкольного возраста...

НОВЫЕ КНИГИ

В Детнаде выходят сборники рассказов Льва Кассиля «Твой шаг», «Короткие рассказы», написанные для детей дошкольного возраста...

Из фронтовых зарисовок худ. А. ЛАПТЕВА.

Павел НОВИЦКИЙ

«ОЛЕКО ДУНДИЧ»

Олеко Дундич, сербский патриот и революционер, бывший народный учитель и офицер королевского гусарского полка, прорывается со своим отрядом к краям...

БЕЛОРУССКИЕ ТЕАТРЫ В ДНИ ВОЙНЫ

Первый Белорусский государственный драматический театр работает в Томске. На новом месте театр возобновил свои лучшие постановки: «Партизаны», «Сколько лет прошло», «В степях Украины»...

В апреле театр показал вторую премьеру «Тень-молочка», в мае - музыкальную комедию «Цветик-семицветик». В ближайшее время в г. Горьком приступает к работе Государственный театр оперы и балета БССР.

МОСКОВСКАЯ ХРОНИКА

В клубе писателей 14 мая состоялся доклад о чешской народной революции 1945 года. Доклад о латвийской литературе сделал Я. Шнейдер. В клубе писателей 14 мая состоялся доклад о чешской народной революции 1945 года...

Всеволод РЯЗАНЦЕВ

После тяжелой и продолжительной болезни скончался писатель Всеволод Григорьевич Рязанцев (Всеволод Рязанцев). Автор романов «Светлая тень», «Слепые души», «Словесный мастер»...

ПО СОВЕТСКОЙ СТРАНЕ

ЛЕНИНГРАД. Театры и концертные организации областного Управления по делам искусств, обслуживавшие в последние дни войны артистов, начали работу в освобожденных от немецких захватчиков районах. Коллектив филармонии более 100 раз выступил в Тихвинском районе...